

«фразеологизм переводят фразеологизмом», «перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным» [5, с. 187–188].

Интерпретация фразеологических единиц связана со значительными трудностями, связанными с передачей традиционной окраски фразеологизмов в родном языке на языке перевода без существенных потерь колорита и стилистических оттенков лексики языка перевода. Поэтому особенно важно для переводчика хорошо знать основные типы фразеологических соответствий и способы их применения в определенном коммуникативном пространстве той или иной страны, учитывая национально-этнический компонент значения фразеологизма. Ошибки при поиске соответствий фразеологизмам могут возникать в связи с тем, что переводчик не распознает фразеологическую единицу, не может интерпретировать её адекватно ситуации общения и коммуникативным установкам, а пытается перевести ее как свободное сочетание слов.

Список использованных источников

- 1 Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб. : Изд-во «Союз», 2001. – 320 с.
- 2 Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. – 16-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2002. – 1216 с.
- 3 Беларускія прыказкі і прымаўкі [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://allby.tv/article/2629/belaruskya-pryikazk--prymak>. – Дата доступа : 30.10.2016.
- 4 Комиссаров, В. Н. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1978. – 232 с.
- 5 Влахов, С. Непере译димое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1989. – 343 с.

УДК 811.512.164'366:821.512.164-343.4

И. В. Серикова, Б. Р. Мухадов

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ТУРКМЕНСКИХ СКАЗОК ОБ ЯРТЫ-ГУЛОКЕ)

В статье анализируется конструкция туркменской волшебной сказки на основе её разложения на морфологические элементы: сказочное начало, чудесное появление героя, атрибуты. Подробно анализируется мотив чудесного рождения сказочного героя – Ярты-гулока – у бездетных стариков, его внешний вид и внутренние качества.

Туркменские сказки, самобытный характер которых определяется исторической судьбой туркменского народа и особенностями его быта, как и сказки других народов, подразделяются на три типа: 1) сказки о животных, 2) волшебные сказки, 3) бытовые сказки; к последним близко примыкают анекдоты. Некоторые сказки сочетают в себе элементы нескольких типов и могут быть представлены циклами, сгруппированными вокруг какого-нибудь известного имени или сказочного героя. В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности строения волшебной туркменской сказки.

В. Я. Пропп в начале своей работы «Морфология волшебной сказки» в качестве «необходимой рабочей гипотезы допускает существование волшебных сказок как особого разряда» [1, с. 20], называя их «сказками «в собственном смысле слова» [1, с. 4] и указывая, что «волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [1, с. 8], и далее, подробно изучив функции действующих лиц и предприняв межсюжетное сравнение волшебных сказок, дает

им следующее определение: «*Морфологически волшебной сказкой* может быть названо всякое развитие от вредительства (А) или недостачи (а) через промежуточные функции к свадьбе (С*) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (Л), спасение от погони (Сп) и т. д.» [1, с. 84–85]. «С точки зрения исторической этот класс сказок заслуживает старинное, ныне отброшенное название мифических сказок» [1, с. 91–92].

К волшебным народным сказкам относятся «Туркменские сказки об Ярты-гулоке» [3], продолжающие список сказок, в которых создан образ крохотного человечка. В «Туркменских сказках об Ярты-гулоке», которые образуют цикл из 14 сказочных новелл об отважном, находчивом и трудолюбивом мальчике ростом в половину верблюжьего уха, описываются приключения Ярты-гулока, защищающего своих друзей-бедняков от мулл, всемогущего хана, жадного бая, и осмеиваются человеческие пороки – тупость, жадность, лицемерие, вероломство и т. д. Действие всех сказок происходит в одном из бедных аулов.

Исследователи туркменских волшебных сказок указывают на тесную связь этих сказок с жизнью и бытом народа и говорят о том, что ряд волшебных сказок содержит такое малое количество волшебного, что по существу они могут считаться скорее *бытовыми сказками с фантастическим элементом* [2].

На наш взгляд, «особое строение, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [1, с. 8], помогает сказки об Ярты-гулоке отнести к волшебным. Анализ же данного цикла туркменских сказок позволяет говорить о том, что они, скорее всего, находятся на границе между волшебными и бытовыми сказками с фантастическим элементом.

Исследование морфологии указанного сказочного цикла, т. е. «описание сказки по составным частям и отношению частей друг к другу и к целому» [1, с. 20], опирается на работу В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» [1].

По В. Я. Проппу, для разложения сказки на составные части необходимы «пять разрядов элементов, которые определяют собой уже не только конструкцию сказки, но и всю сказку в целом» [1, с. 88]: основные составные части – это функции действующих лиц, затем связующие элементы, мотивировки, формы появления действующих лиц, атрибутивные элементы или аксессуары.

Наряду с функциями («поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [1, с. 22]), представляющими морфологическую основу волшебных сказок, ученый считает важными морфологическими элементами, требующими специальных исследований, сказочное начало (исходную ситуацию), чудесное рождение героя, атрибуты.

Эти морфологические элементы составляют основу первой сказки «*Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать*» из цикла «Туркменские сказки об Ярты-гулоке». Исходная ситуация (условный знак – i [1, с. 26]) предполагает перечисление членов семьи или введение будущего героя путем приведения его имени или упоминания его положения. Необходимо отметить, что в туркменской народной сказке, как и в русской, композиционно организующую роль выполняют устойчивые формулы, так называемые «общие места» (*loci communi*).

В анализируемой туркменской сказке, которая разделена на три части, члены семьи представлены стариком и старухой. Первая часть начинается инициальной формулой *Было это или не было – ехал по раскалённым от солнца пескам старик*. Далее идет описание верблюда, ишака и пустыни Кара-кумы. Необходимо отметить, что все туркменские волшебные сказки отражают жизнь и быт народа, поэтому в них всюду присутствует упоминание о пустынях и безлюдных степях, о ветрах и пыльной буре. Вторая часть вводится характерной для туркменской сказки устойчивой формулой *Пуускай они едут, а ты слушай, что было со старухой* (сравн. *Жили-были старик со старухой*).

В. Я. Пропп указывает, что вслед за начальной ситуацией следуют функции, первая из которых *Один из членов семьи отлучается из дома* (определение: отлучка, обозначение – е). Могут быть разными как формы отлучки, так и те, кто отлучается. В сказке «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» сразу упоминается об отлучке (отлучается старшее поколение, форма отлучки – работа): *Старик до света работал на мельнице и очень устал.*

Далее, с третьего абзаца первой части сказки (*Он ехал и пел песню, длинную, как его жизнь, и печальную, как его мысли, потому что он был уже очень стар и борода его стала белой, как груды хлопка, но у него не было сына – помощника в старости*) и второго абзаца второй части (*Старуха сидела посреди двора на белой кошме-подстилке и ткала ковёр. Она завязывала маленькие шерстяные узелки и думала о своём горе. А когда у человека горе, он или плачет, или поёт. Вот старуха и пела*), указывается на недостачу, т. е. одному или нескольким членам семьи чего-либо не хватает, им хочется иметь что-либо (определение – недостача, обозначение – а). «Вообще же элементы а обязательны для каждой сказки изучаемого класса. Иных форм завязок в волшебной сказке не существует» [1, с. 35]. Беда и недостача сообщаются, и эта функция вводит в сказку героя. В. Я. Пропп пишет: «Начальная нехватка или недостача представляет собою ситуацию. Можно себе представить, что до начала действия она длилась годами. Но настает момент, когда отправитель или искатель вдруг понимает, что чего-то не хватает, и этот момент подлежит мотивировке» [1, с. 70]. В данном случае старик и старуха думают о том, что у них нет сына, и поют об этом, из этого и развивается действие, а объект недостачи появляется мгновенно и сам сообщает о себе. Так происходит чудесное появление сказочного героя Ярты-гулока.

Как указывает В. Я. Пропп, «чудесное рождение героя – очень важный сказочный элемент. Это – одна из форм появления героя с включением ее в начальную ситуацию. Рождение обычно сопровождается пророчеством о его судьбе. Еще до завязки проявляются атрибуты будущего героя» [1, с. 78]. Под атрибутами В. Я. Пропп понимает «совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д.» [1, с. 80]. Изучение атрибутов персонажа создает лишь следующие три основные рубрики: облик и номенклатура, особенности появления, жилище. К этому прибавляется ряд других, более мелких, вспомогательных элементов [1, с. 81]. В песне, которую поет именно старик, рисуется образ будущего сына: рост (*Был бы у меня сынок, Сынок хотя бы с ноготок*), внешность (*Лицом подобный цветущему маку*), характер (*Нравом подобный весёлому солнцу*), отношение к работе (*А трудолюбием подобный пчеле*). В песне старухи тоже содержатся слова *Был бы у меня сынок, Сынок хотя бы с ноготок*. Однако еще она хочет, чтобы жизнь сына была счастливой и благополучной (ковёр как символ благополучия и достатка): *Виткала бы я для него ковёр – Алый, как лепестки звезды, Золотистый, как солнце на закате, Синий-синий, как ночное небо.*

Характерными особенностями Ярты-гулока является способ его появления (*из верблюжьего уха*), его название (Ярты-гулок – «половина уха»), его рост (умещался на ладони и был не больше половины верблюжьего уха), при маленьком росте герой обладает недюжинной силой, ловкостью и хитростью.

Однако его внешний вид (*красивый, румяный*) и причёска героя не имеют ничего сказочного: *Голова его спереди была гладко выбрита, как у всех туркменских мальчишек, а за ушами торчали две тугие чёрные косички.* С одной стороны, одежда героя специфична из-за его маленького роста (фантастический элемент), с другой стороны, такую одежду носит любой дехканин (реальный элемент): *три халата шиты из маленького платочка, тюбетейка из коробочки хлопка, а туфли-ичиги стачаны из нежной кожи цыплёнка.*

В конце первой сказочной новеллы (третья часть сказки) Ярты-гулок получает весьма земной, а не волшебный статус – статус джигита. Снова совмещается реальное и фантастическое: образ джигита вызывает соответствующие ассоциации (высокий, стройный), что не соответствует облику Яртыку-гулока.

В финале сказки счастливые родители собирают гостей, чтобы отпраздновать появление долгожданного сына: *Старуха обошла всех своих соседок и позвала их на «уме» –*

помощь по хозяйству. Она ничего не пожалела для гостей: наварила плову большой кунган, напекла сдобных лепёшек и поставила на стол деревянное блюдо, полное кишмиша и ломтиков сладкой дыни. Целый вечер пели соседки, до поздней ночи звенела дутара.

Как видим, туркменская сказка «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» заканчивается вполне реалистично в отличие от русских народных сказок, которые в своей структуре содержат «формулы невозможного»: *Пир на весь мир; И я там был, мёд, пиво пил. По усам текло, а в рот не попало.*

Необходимо отметить, что в остальных 13 новеллах сказочного цикла речь идет о различных подвигах Ярты-гулока. Каждый раз он выходит из любой ситуации победителем, не прибегая при этом к помощнику (если и есть помощник, то он вполне реальный, а не волшебный) и не используя волшебных средств. «При отсутствии помощника на героя переходят не только функции помощника, но и его атрибуты. Один из важнейших атрибутов помощника – это его вещая мудрость: вещий конь, вещая жена, мудрый мальчик и др. Получается образ вещего героя» [1, с. 76].

Таким образом, первая новелла «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» представляет собой сказочное начало (исходную ситуацию) цикла волшебных «Туркменских сказок об Ярты-гулоке», в ней тесно переплетается реальное и фантастическое, и представить ее можно формулой: «*бездетные старик и старуха, чудесное рождение сына – i*».

Список использованных источников

- 1 Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.
- 2 Стеблева, И. Туркменские сказки / И. Стеблева / Проданный сон : Туркменские народные сказки. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 674 с.
- 3 Туркменские сказки об Ярты-гулоке / отв. ред. Р. И. Филиппова. – Ленинград : Детгиз, 1956. – 132 с.

УДК 811. 163.2'37 : 398. 92

Я. Л. Сивилова

ИЗХОДНА СЕМАНТИКА НА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КОГАТО ВЪРБАТА РОДИ ГРОЗДЕ/КРУШИ

Статья посвящена выявлению внутренней формы болгарского фразеологизма когато върбата роди грозде/круши, имеющего параллели в других славянских языках. В процессе этнолингвистического анализа используются относящиеся к свадебной обрядности фольклорные источники, указывающие на символическое значение слов верба, грозде (виноград), круши (груши).

Фразеологизмът *Кога(то) върба(та) роди грозде* в съвременния български език се използва със значение ‘никога’, той е иронично маркиран и служи за „подчертаване, че нещо е невъзможно да стане“. Във фразеологичния речник на българския език е отбелязан и симетричният израз: *Кога(то) върба роди дренки* с бележка „ирон.“ и същото значение. В края на XIX и началото на XX в. фразеологизмът е регистриран от българските фолклористи сред пословиците и поговорките, като е отбелязван основно в материали от Западна България в следните варианти: *Върба грозде ражда ли, че от него хубаво да излезе; Йи нашата върба че роди гроздьє; Йи нашата върба че роди круши; Зер от върба чакаш да роди маслини (или ябълки); Върбата маслини родила* (диал. ‘употребява се, когато някой говори невероятни неща, лъжи’); *Див глок гроздьє не ражда.*